

Поночевный Максим Анатольевич

ОСНОВАНИЯ И ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Статья посвящена анализу правомерности и границ применения междисциплинарных изысканий в правовой науке. Особое внимание уделяется подробному анализу аргументов в пользу и против междисциплинарных исследований в юриспруденции. Рассматриваются границы и допустимый формат проведения междисциплинарных исследований в юриспруденции с учетом современных эпистемологических и методологических оснований. Проводится анализ наиболее современных исследований по актуальной теоретической проблеме.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/12-2/38.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. II. С. 151-155. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 340

Юридические науки

Статья посвящена анализу правомерности и границ применения междисциплинарных изысканий в правовой науке. Особое внимание уделяется подробному анализу аргументов в пользу и против междисциплинарных исследований в юриспруденции. Рассматриваются границы и допустимый формат проведения междисциплинарных исследований в юриспруденции с учетом современных эпистемологических и методологических оснований. Проводится анализ наиболее современных исследований по актуальной теоретической проблеме.

Ключевые слова и фразы: междисциплинарные исследования; правовая наука; исследования в праве; методы правовой науки.

Поночевный Максим Анатольевич, к. филос. н.

Южный федеральный университет, г. Таганрог

ponochevny8tg@mail.ru

ОСНОВАНИЯ И ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ[©]

В работах современных исследователей вопрос о том, насколько междисциплинарные исследования возможны в сфере юридической науки, тесно связывается с проблемой места и специфики права среди других наук. Современные подходы к локализации и идентификации правовой науки в спектре отраслей научного знания можно разделить на две группы: те подходы, которые подчеркивают или допускают самодостаточность и специфичность права среди других наук, и подходы, которые принципиально не признают такого обособления или не видят в этом практической значимости. Важно отметить, что современный уровень научного знания ограничивает оба подхода, исключая их крайние проявления, которые могли обсуждаться еще столетие назад.

Первый подход в европейской науке сегодня остается весьма распространенным и, очевидно, генетически восходит к правовому позитивизму и чистой теории права Ханса Кельзена. Именно Х. Кельзен при ощутимом влиянии неокантианской философии [5, с. 92-100] представил наиболее известную и оригинальную позицию, обосновывавшую самодостаточность права, поэтому большинство современных теорий, допускающих особое положение и самодостаточность права, так или иначе, связаны с этим наследием, сколь бы модернизированными они ни были. Чистая теория права постулировала формат права как нормативной науки, обособленный от двух влиятельных теорий, претендовавших на то, чтобы вписать правовую науку в свои авторитетные объяснительные модели: позитивизма и юснатурализма. Теория Х. Кельзена доказывала независимость права от морали, укорененность его в собственных основаниях и в этом была близка позитивизму. Однако признание нормативной природы права, акцент на исследовании того, какой «должна» или «не должна» быть правовая норма, резко отделяло чистую теорию от безоценочного позитивизма чистых фактов. Нередко такой подход называли «третьим путем».

Учитывая разностороннюю критику теории Кельзена, современная традиция уже не настаивает на абсолютно самодостаточном положении права, не стремится отрицать исторический характер и метаюридические основания данного феномена, признает необходимость исследования связей с социально-политической средой, но допускает существование определенного достаточно обособленного ядра или области (legal domain) правовой науки, которая характеризуется значительной спецификой. Структурный анализ вполне справедливо сохраняет акцент на разнородности составных элементов данной области научного знания, принимая во внимание особенности предмета, основные применяемые методы и инструментарий, типы исследовательских вопросов и т.д. Отечественная традиция правовой науки вряд ли может быть обвинена в отделении права от других наук, ведь правовая наука в России традиционно включает в себя массу самых разноплановых общих и специальных наук. В то же время такая гетерогенность имеет своим следствием опасность смешения допустимых методов и недостаточный учет сложных внутренних границ в правовой науке, что является одним из примеров недостатка методологической рефлексии, справедливо констатируемой отечественными учеными [3]. Весьма обширная и в известной степени гетерогенная область, называемая правовой наукой, в действительности может быть рассмотрена в качестве совокупности как минимум трех элементов. Наиболее глубинная часть права, которую еще Ханс Кельзен называл нормативной наукой права и признавал самодостаточной, основывается на анализе правовых норм в контексте самой системы права. Термин «нормативная» подчеркивает, что анализ касается явлений и норм в той форме, в какой они должны быть, не касаясь широкого контекста их существования, появления и воздействия. Главный тип вопроса, который ставится в этой области правовой науки, – это вопрос о логической связности правовых норм и самой системы права. Этот вопрос неизбежно носит оценочный характер, оценивая норму права, конструкцию или институт как правильный или неправильный, исходя из общего устройства системы права. Главный метод – дедукция, с помощью которой характер и положение любого элемента правовой системы можно вывести из ее общего внутреннего устройства. Логика выступает наиболее близкой моделью

для нормативной науки права. Другой полюс правовой науки представлен дисциплинами, исследующими связь между правом, с одной стороны, и обществом и человеком, с другой стороны. Эта сфера правовой науки близка натуралистической исследовательской программе, часто заимствует методы соответствующих наук, в том числе математические. Она рассматривает действительные процессы взаимодействия права и общества, выделяя закономерности и вероятности, абстрагируясь от оценок и ценностей (это казалось достижимым), сосредотачиваясь на установлении фактов, происходящих с известной регулярностью. Индукция и причинно-следственное (каузальное) объяснение олицетворяют традиционно доминирующие здесь методы. Здесь рассматриваются факты состояния существующего права, а не категории должного. Концепция Кельзена была сосредоточена именно на нормативной науке права, оставляя эмпирические исследования совершенно отдельной области, названной социологией права. Третья сфера касается зависимости права и морали, представлений о должном и справедливом, которые имеют неизбежную ценностную природу. Однако это подсистема менее всего соответствовала методологической основе чистой теории права, хотя Кельзен выделял среди правовых наук соответствующие ей области.

Реалистичный современный взгляд на обособленность и автономность этих сфер друг от друга, конечно, не может не видеть в этом идеальную модель и известную условность. Тем не менее, недостаточная методологическая компетентность приводит к тому, что эта сложная структура современной правовой науки редко становится предметом рефлексии и может порождать упрощенные представления о праве и научном исследовании в области права. Во-первых, необходимо учитывать, что отдельные области правовой науки в большей или меньшей степени проявляют близость к обозначенным полюсам и очень зависят от своей специфики, например, юридическая техника, криминология и философия права соответственно. Во-вторых, формат и ракурс исследования, тип исследовательского вопроса, который касается конкретной области права, достаточно жестко определяет набор валидных методов и исследовательский инструментарий.

В качестве примера рассмотрим одну из наиболее логичных и убедительных современных концепций, отражающих переосмысленную идею обособленности науки о праве в контексте оснований междисциплинарного исследования в этой области. Венди Шрама излагает свою концепцию правомерности междисциплинарного исследования в праве с позиций выделения двух фундаментальных типов эффективности права: внутренней и внешней (*internal and external effectiveness*) [9, p. 148]. Большинство современных исследований в праве, так или иначе, касаются проблем его эффективности, поэтому данный ракурс анализа права имеет большое значение для анализа его теоретико-методологических оснований с позиций современной науки. Вопросы внутренней эффективности права могут формулироваться в двух плоскостях: вопросы о последовательности и согласованности либо вопросы об оптимизации. Главное, что ключевым критерием оценки выступает поле собственно права: принятые нормы, концепции и стандарты правовой системы. К данному типу могут вполне относиться и вопросы возможных путей корректировки правовой нормы или усовершенствования правового института, исходя из требований внутренней согласованности. То же самое может исследоваться и на уровне согласованности и последовательности правовой системы в целом.

В то же время нельзя не заметить, что правовая наука не может ограничиться только проблемами внутренней эффективности права. Все, что касается действительного или проектируемого воздействия права на поведение людей, на регулируемые общественные отношения – внешнюю по отношению к нему реальность – относится к его внешней эффективности. Даже радикальный подход Кельзена включал в себя в качестве необходимого элемента «условие минимальной действенности» правовых норм [6, с. 8]. Это весьма убедительно подтверждает, что даже крайние подходы, отстаивающие автаркичность и самодостаточность правовой науки, не могут не учитывать связей и факторов взаимовлияния сферы права и внешней по отношению к нему сферы социальной реальности. Насколько результативна отдельная правовая норма или конструкция, в какой мере она достигает поставленных целей – вот типичные проблемы внешней эффективности права. Эти вопросы вполне могут формулироваться и на макроуровне, например, насколько эффективно вся правовая система способствует экономическому развитию и финансовой стабильности общества [10].

Одно и то же правовое явление может абсолютно по-разному оцениваться с позиций внутренней и внешней эффективности. Правовая норма может идеально соответствовать требованиям последовательности и согласованности с правовой системой, но быть малоэффективной с точек зрения воздействия на общество и решения поставленных задач. В то же время нельзя исключать и такой ситуации, когда меры, критикуемые за не вполне последовательное правотворчество, могут достичь своих целей.

В зависимости от типа вопроса можно определить, какие методы и исследовательские стратегии будут более адекватными и эффективными. В любом случае выбор таких методов и исследовательских средств тесно связан с актуальным вопросом о том, насколько надежными и достоверными будут результаты исследования. «Вопрос о методе актуален, – замечает В. Шрама, – и игнорирование методологических стандартов может привести к ненадежным результатам исследования». Он доказывает, что исследование проблем внутренней эффективности права может быть успешно проведено без обращения к методам других наук, хотя отказывается от кельзеновской категоричности и допускает в отдельных случаях не только нормативную методологию, но и эмпирические изыскания при решении даже внутриправовых проблем [9, p. 150]. Так, иногда для решения вопроса о внутренней согласованности правовой нормы с существующими основами системы права может иметь значение анализ эмпирической базы, свидетельствующей о реальном ее применении судами. Все же традиционно в этом спектре вопросов доминируют формально-логические и формально-догматические методы (в англоязычной литературе *doctrinal research*). Некоторые современные

исследователи в большей степени, чем В. Шрама, настаивают на необходимости применять методы других наук даже в тех сферах, которые традиционно считаются доменом собственно правовых догматических и доктринальных методов. Например, М. Симс уверен, что междисциплинарные исследования позволят рассуждать о праве более взвешенно и осведомленно [11]. Например, абсолютизацию доктринального подхода обвиняют в «ригидности, догматичности, формализме и узости мышления, в поощрении зашоренности из-за нездоровой озабоченности техническими деталями и проблемами техники, в том, что он надевает — и рительную рубашку на понимание права и общества” и — ослабляет дух любопытства как в студенте, так и в преподавателе”» [13, p. 163, 181].

С позиций внешней эффективности права эмпирические количественные и качественные данные представляют собой совершенно необходимый элемент, без которого невозможно уяснить отношение «правовой реальности и действительной реальности». Для того чтобы исследование данной проблемной области могло быть эффективным и достоверным, нужно уделять большое внимание методологии «внешних» по отношению к праву наук: социологии, экономики, политологии, психологии и т.д. Работать с наборами данных, «внешних» по отношению к правовой реальности, эффективно могут только специальные дисциплины. При этом проблема заключается не только в необходимости погружения в методику и методологию социально-гуманитарных наук, но и в выходе на уровень подлинно междисциплинарной методологии. В таком ракурсе междисциплинарные исследования становятся не только допустимыми с позиций обособленности права, но, пожалуй, представляются единственно возможным средством для решения важнейших научных вопросов, выходящих за рамки собственно права, но неотделимых от правовой науки. Здесь их применение имеет и профилактическое научно-педагогическое значение, будучи формой сдерживания такого явления, как разрыв действительной реальности и правовой реальности. Комплексный анализ права в любом масштабе требует учета двух наборов данных, часто совершенно разноплановых. Главное отличие современных воззрений на право, допускающих его обособленность от взглядов Кельзена, исключавшего «недопустимый методологический синкретизм», заключается в степени строгости (ригоризме). М. В. Антонов глубоко и наглядно выразил преемственность и различия кельзеновской чистой теории и современной методологии права: «Своеобразие позиции Кельзена заключается разве что в ригоризме приводимого им деления – в полном абстрагировании этих методов изучения права друг от друга. И именно с этим ригоризмом (а не с целесообразностью обособления и конкретизации разных методов познания права, выделения для этого нескольких научных дисциплин) связана большая часть критики, обращенной против Кельзена. Вопрос здесь, стало быть, в мере, а не в принципе – до какой степени допустима автономизация наук о праве, а не о том, что догматическое, юрико-техническое описание норм требует другого методологического и концептуального инструментария, чем, скажем, социологическое исследование эффективности правовых норм» [1, с. 190]. Следовательно, отказ от непроницаемости границ подсистем науки права, допущение исследования права в разных (порой противоречивых) дисциплинарных и методологических перспективах, признание возможности и необходимости междисциплинарных изысканий в ряде сфер научного поиска в рамках права – неизбежные результаты методологической эволюции, постепенно открывшие двери междисциплинарным исследованиям в праве.

Нужно заметить, что англо-американская традиция правовой науки всегда отличалась большим прагматизмом и неприятием абстрактной теории, не настаивала на радикальных различиях между правом и другими дисциплинами. Наиболее общие причины неприятия традиции Кельзена заключены в ее оторванности от социальных и политических аспектов, которые как раз и придают праву содержание и значение. Чистая теория права воспринимается здесь как «упражнение в логике, но не в жизни» [8, p. 368]. Б. ван Клинк и С. Тэкэма [12], показывая в своей статье альтернативные теории, дающие более широкие и свободные основания для применения междисциплинарных изысканий в юриспруденции, начинают именно с анализа прагматизма У. Джеймса, Дж. Дьюи, Х. Патнема. Во-первых, прагматизм всегда настороженно воспринимает бинарные оппозиции и дихотомии (в том числе и в понимании дисциплин). Традиционные разграничения науки и практики, фактов и ценностей, природы и культуры воспринимаются как иногда нужные, но совершенно не отражающие онтологическую истину. Прагматистам очень близок холистский идеал, который выражается в целостности и неделимости опыта как подлинного человеческого мира. Во-вторых, прагматизм придерживается общего научного метода (*scientific method*, понимаемый как методологический эталон естественных наук, шире – натуралистической программы), который считается приложимым ко всему научному знанию. Право как наука также рассматривается здесь как сфера, в которой внутренние и внешние дисциплинарные границы не имеют категорического характера, а эксперимент (в формате *small-scale* или даже мысленный эксперимент) не теряет своего значения в процессе проверки гипотез. С точки зрения теории, прагматизм не налагает никаких ограничений для применения междисциплинарного подхода в изучении права.

Прагматический подход, избегающий ригоризма бинарных оппозиций, больше всего настаивает на отсутствии принципиальной разницы между фактами и ценностями, которая как раз и выступает одним из бастионов против междисциплинарности в правовой науке, берущих начало в неокантианской классификации наук. Полемизируя с нон-когнитивистами, Х. Патнем настаивал на том, что оценочное суждение и утверждения о фактах неотделимы друг от друга. Пытаясь сформировать собственное оценочное суждение или изменить сложившуюся оценку, мы, так или иначе, прибегаем к анализу фактов или ссылаемся на факты. Проблема сложной связи фактов и ценностей, утверждений о фактах и ценностных суждениях является весьма актуальной. Более того, она не ограничивается сменой эпистемологического ориентира и не является чем-то абстрактным или незнакомым для юристов. Профессиональные юристы часто сталкиваются с тем,

что в правовой практике факты и ценности действительно слишком слиты, чтобы быть описаны как диаметрально противоположные категории. Например, среди юристов в странах семьи общего права весьма распространенной является точка зрения о необходимости придавать составам «запрещенных деяний» (преступлений, не являющихся очевидно аморальными деяниями, общественная опасность которых не так ясна) формальный характер (без необходимости доказывать вину подсудимого) и рассматривать такие дела без присяжных [4, с. 75]. Отсутствие нетерпимой позиции к таким преступлениям отчасти объясняется чисто оценочным суждением, что само по себе может быть результатом непонимания фактической связи между составом деяния и общественной опасностью. С другой стороны, само по себе отсутствие негативной оценки таких преступлений может не позволить присяжным беспристрастно судить о факте. Право требует от них нейтральности (непредвзятости) в отношении установления конкретного факта, но не может допустить их нейтральность в оценке противоправного поведения вообще. Это объяснимо тем, что на признание присяжными — «судьями факта» — доказанности или недоказанности конкретного факта в делах о «*malum prohibitum*» будет очень сильно влиять их ценностная нейтральность по отношению к конкретному противоправному деянию вообще. Удивительно, но требуемая нейтральность здесь часто может работать как фактор в пользу оправдания подсудимого *a priori*. Что же можно сказать о тех случаях, когда присяжные не нейтральны, а откровенно связаны оценочным суждением? В известном деле Веры Засулич очевиден факт совершения ею покушения на убийство — деяния, являющегося в любой правовой системе и в любом обществе самоочевидным преступлением (*malum in se*). Тем не менее, присяжные вынесли оправдательный вердикт, хотя, очевидно, что он больше отражал их сочувствие подсудимому или осуждение потерпевшего [2] — эмоциональную оценку, а не суждение о факте доказанности. Эти несколько примеров вдобавок к уже известным классическим рассуждениям (например, см.: [7; 12]), показывающим, что теории и научные школы, отвергающие строгую демаркацию фактов и ценностей в реальной жизни, имеют право на существование и убедительную доказательную базу. Реальная жизнь и опыт, который, по мнению прагматической философии, стоит в центре жизненного мира, не может быть примитивно препарирован. Превращаясь в стройную логичную схему, он неизбежно приближается к макету и отдаляется от реальной действительности.

Подводя итог рассмотренных выше подходов к соотношению права с другими науками и оснований для признания междисциплинарных исследований в праве правомерными, отметим следующее. Во-первых, генеральный вопрос о правомерности и границах применимости междисциплинарных подходов в юриспруденции тесно связан с избранной методологической и эпистемологической картиной, которая отражает взаимоотношения права с другими науками. Иными словами, чем более специфичной и непохожей на другие области научного знания признает правовую науку исследователь и принятый им подход, тем менее приемлемыми считаются междисциплинарные исследования в юриспруденции. Во-вторых, современная наука не принимает наиболее категоричные и строгие схемы, настаивающие на исключительности правовой науки, непреодолимости ее дисциплинарных границ, самодостаточности ее внутренних методов для изучения права во всех его аспектах и проявлениях, несводимости фактов и ценностей. В-третьих, необходимо избегать и другой крайности: нельзя рассматривать внутреннюю структуру права и специфику его исследовательских вопросов упрощенно, отказываться от серьезной методологической рефлексии и считать междисциплинарные подходы неограниченно применимыми в области права. В-четвертых, можно сделать вывод о том, что сегодня нет весомых оснований для неприятия междисциплинарных исследований в юриспруденции. В исследованиях, связанных с вопросами внешней эффективности права (насколько эффективно правовая норма, институт права, правовая система в целом воздействует на общественные отношения, поведение людей и общество в целом) или его обусловленности внешним контекстом (как на право воздействуют мораль, культура, исторические реалии), междисциплинарные исследования совершенно необходимы. Более того, они препятствуют крайностям неограниченного распространения доктринальных, формально-догматических методов в праве, которые при *reductio ad absurdum* вполне могут упрочить «разрыв между правовой реальностью и действительной реальностью». Тем не менее, такая обоснованная позиция не девальвирует «классическое» монодисциплинарное правовое исследование и не исключает его возможности и значимости в решении определенного круга внутренних исследовательских проблем.

Список литературы

1. Антонов М. В. Социологические мотивы учения о праве Ганса Кельзена // Юридический позитивизм и конкуренция теорий права: история и современность (к 100-летию со дня смерти Г. Ф. Шершеневича): материалы VI ежегодной международной научно-практической конференции (г. Иваново, 5-8 октября 2012 г.): в 3-х ч. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. Ч. 1.
2. Воронина Н. Ф. Пределы судейского усмотрения при постановлении оправдательного приговора судом присяжных [Электронный ресурс]. URL: http://www.ugpr.ru/arhiv/8_avg_2005/topic86_predely_sudeiskogo_usmotreniya_pri_postanovlenii_opravdatelnogo_prigovora_sudom_prisyajnyh.html (дата обращения: 25.08.14).
3. Ключков В. В. Знание и невежество в юридической науке // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2008. № 10 (87). С. 144-151.
4. Крылова Н., Серебренникова А. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции и Германии). М., 1998. 201 с.
5. Перлов А. М. История науки: введение в методологию гуманитарного знания. М., 2007. 312 с.
6. Чистое учение о праве Ганса Кельзена: сборник переводов. М., 1987. Вып. 1.
7. Штраус Л. Естественное право и история. М: Водoley Publishers, 2007. 312 с.

8. Green M. S. Hans Kelsen and the Logic of Legal Systems // Alabama Law Review. 2003. Vol. 54. № 2. P. 365-413.
9. Schrama W. M. How to Carry out Interdisciplinary Legal Research: Some Experiences with an Interdisciplinary Research Method // Utrecht Law Review. 2011. № 1. P. 147-162.
10. Siems M. Legal Origins: Reconciling Law & Finance and Comparative Law // McGill Law Journal. 2007. Vol. 52. № 1. P. 55-81.
11. Siems M. The Taxonomy of Interdisciplinary Legal Research: Finding the Way out of Desert [Электронный ресурс]. URL: <http://ssrn.com/abstract=1146162> (дата обращения: 10.12.13).
12. Van Klink B., Taekema S. A Dynamic Model of Interdisciplinarity. Limits and Possibilities of Interdisciplinary Research into Law // Tilburg Working Paper Series on Jurisprudence and Legal History. 2008. № 08-02. P. 1-29.
13. Vick D. W. Interdisciplinarity and the Discipline of Law // Journal of Law and Society. 2004. Vol. 31. № 2. P. 163-193.

FOUNDATIONS AND LIMITS OF INTERDISCIPLINARY RESEARCHES APPLICATION IN JURISPRUDENCE

Ponochevnyi Maksim Anatol'evich, Ph. D. in Philosophy
Southern Federal University, Taganrog
ponochevny8tg@mail.ru

The article analyzes the validity and limits of interdisciplinary researches application in the science of law. Particular attention is paid to the detailed analysis of arguments in favor and against interdisciplinary researches in jurisprudence. The limits and valid format of interdisciplinary researches conduction in jurisprudence are considered taking into account modern epistemological and methodological grounds. The analysis of current researches on the topical theoretical problem is carried out.

Key words and phrases: interdisciplinary researches; legal science; researches in law; methods of legal science.

УДК 130.2

Философские науки

В статье рассматриваются размышления русского историка, философа, правоведа XIX века Б. Н. Чичерина об особенностях и вариантах национальных характеров. Он сравнивает самобытный русский характер со своеобразием европейских вариантов национального склада ума сквозь призму актуального и в наши дни этнодуализма «Россия – Европа». Выясняются культурные истоки концепта «русский ум», подчеркиваются структурность и функциональность, а не онтологичность этого понятия, отражающего не отдельные качества того или иного народа, а меняющиеся в истории пропорции их соотношения.

Ключевые слова и фразы: западничество; славянофильство; русский характер; национальный склад ума; образ России; Россия и Европа; Б. Н. Чичерин.

Пыжова Олеся Владимировна, к. филос. н.
Курский государственный медицинский университет
olvp@bk.ru

РАЗМЫШЛЕНИЯ Б. Н. ЧИЧЕРИНА О ВАРИАНТАХ НАЦИОНАЛЬНОГО СКЛАДА УМА[©]

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-33-010181а «Духовная практика как философская проблема: онтологические, эпистемологические, аксиологические аспекты».

Немецкие историки начала XIX века, как отмечает В. А. Мякотин, движущим фактором исторической жизни признавали не разумную волю человека, а инстинктивное творчество народной массы, частью которой призвана быть отдельная личность. В такой постановке история, предназначенная изучать этот закономерный процесс развития сознания массы, приобретает характер «народного самопознания».

Особое значение эти идеи получили в учении Гегеля о духе, согласно которому «историческая жизнь человечества представляет собой процесс постепенного развития всемирного духа, причем сменяющие друг друга народности, воплощая отдельные его стороны в виде той или иной общей идеи в своей жизни, в своем национальном духе, являются как бы необходимыми ступенями названного процесса» [1, с. 376]. Концепция духа Гегеля о существовании национальных вариантов народного духа нашла своеобразное воплощение в России в известном споре западников и славянофилов в целом и в размышлениях русского историка, философа, правоведа XIX века Бориса Николаевича Чичерина (1828-1904) в частности.

Стоит отметить, что в истории и культуре каждого народа процесс формирования своеобразного склада ума или национального характера базируется, в том числе, на особом синтезе общечеловеческих качеств, в конечном итоге представляя собой достаточно специфический набор таких качеств, а также уникальную пропорцию в мировой культуре, создавая неповторимый и самобытный образ того или иного народа. Нередко не последнюю роль в таком процессе играет соотнесение себя (своего народа) с другим (другими народами) посредством сравнения. Так, для России иллюстрацией вышесказанного выступает исторически сложившийся